

В прошлой жизни родина Цинь Ся славилась своим традиционным блюдом накануне Нового года – пельменями с овощной начинкой. Хотя никто точно не мог объяснить происхождение этого обычая, следуя воспоминаниям прежнего хозяина тела, Цинь Ся обнаружил, что в Цинаньском уезде тоже придерживаются этой традиции. Потому он решил приготовить пельмени с начинкой из трех овощей. В составе были джусай, яйца, древесные грибы и немного сушеных креветок, которые удалось найти, обойдя несколько лавок. Мелко порубив ингредиенты, он добавил соль, тщательно перемешал и предложил Юй Цзюцюэ попробовать на вкус. Получив утвердительный ответ, Цинь Ся отложил начинку в сторону и начал замешивать тесто.

В умении раскатывать тесто Юй Цзюцюэ явно уступал Цинь Ся. В руках Цинь Ся скалка двигалась словно по волшебству, и за пару движений появлялся идеально ровный кусочек теста. А вот у Юй Цзюцюэ на один пельменный кружок уходила уйма времени, и он явно проигрывал в скорости. Зато его техника лепки пельменей была вполне сносной. Поставив свои изделия рядом с Цинь Ся, он обнаружил, что один пельмень выглядит плоским и шатким, а другой – белым и пухлым, похожим на юаньбао. Пусть и немного кривовато, но главное – съедобно.

- Начинки клади побольше, – подсказал Цинь Ся, показывая, как это делается. Юй Цзюцюэ старательно следовал инструкции, но, стоило дойти до финального шага, пельмень раскрылся, и начинка вывалилась наружу. Пришлось вычерпывать излишки ложкой.

- Ладно, я буду лепить, как раньше, – вздохнул он. – А то мои пельмени в кастрюле расплзутся, и все пойдет насмарку.

Такими темпами Цинь Ся решил слепить пятьдесят пельменей. Обычно он мог съесть около тридцати, но после праздничного ужина решил сократить порцию вдвое. Зато Юй Цзюцюэ, чей аппетит в три раза превышал его собственный, наверняка съест целую тарелку.

Помимо начинки, Цинь Ся приготовил несколько «сюрпризов». По обычаю нужно было класть в пельмени монеты, но он счел это негигиеничным и заменил их съедобными символами: финиками, арахисом и нарезанной кубиками сушеной хурмой – для привлечения удачи. Каждый из них завернул свою часть в пельмени, чтобы потом, при варке, случайно наткнуться на сюрприз.

Юй Цзюцюэ, и так не отличавшийся ловкостью, при заполнении пельменей оказался особенно неуклюжим. Когда Цинь Ся заметил, как тот с усилием запихивает финик в тесто, он неожиданно для себя понял, что улыбается до ушей.

- Готово! – выдохнул Юй Цзюцюэ, раскладывая пельмени на подносе. Десятки миниатюрных юаньбао, хоть и выглядели по-разному, вместе смотрелись мило. Даже те, что были слеплены менее аккуратно, внушали некую трогательную симпатию.

Пока Юй Цзюцюэ наливал воду, чтобы смыть с рук остатки муки, время еще не подошло – варить пельмени следовало ближе к полуночи. Они вернулись в дом, чтобы немного посидеть в

ожидании.

Для создания праздничной атмосферы в комнате зажгли не только лампы, но и свечи – те самые красные, что остались со дня их свадьбы. За ужином это не вызывало никаких мыслей, но теперь, сидя напротив друг друга при свете свечи, они невольно отводили взгляды.

Несколько месяцев притворной семейной жизни — достаточно, чтобы мысли невольно начали блуждать в неожиданных направлениях. До полуночи оставалось еще больше часа, и Цинь Ся обратился к Юй Цзюцюэ:

— Не устал? Если захочешь, можешь вздремнуть. Я тебя разбужу, когда время придет.

Юй Цзюцюэ, занятый очисткой арахиса, покачал головой:

— Нет, не устал. Сегодня ведь надо бодрствовать всю ночь.

Цинь Ся тоже не чувствовал усталости, но скука начинала потихоньку одолевать. В прошлой жизни было телевидение и смартфоны, а здесь приходилось находить способы развлечь себя. Немного подумав, он предложил:

— Давай сыграем в кости?

Прежний владелец тела был заядлым игроком, и хотя свои нефритовые игральные кости он успел заложить, в доме все же нашлись простые деревянные. Игры вроде бросания костей, нарды или карточные игры были широко популярны в Даюне, и почти каждый знал хотя бы основы.

Цинь Ся предложил объяснить Юй Цзюцюэ одну из современных игр. Правила были просты и понятны, Юй Цзюцюэ сразу все уловил, но затем с интересом добавил:

— Просто бросать кости скучно. Давай сделаем ставку.

Цинь Ся приподнял бровь:

— И что ты предлагаешь поставить?

Юй Цзюцюэ на мгновение задумался, затем взял блюдце с арахисом и разделил его поровну, каждому досталось по двадцать штук.

— Будем играть на арахис. В конце тот, у кого останется больше, выигрывает.

В его глазах мелькнул легкий блеск улыбки.

— А победитель сможет загадать проигравшему желание, которое тот должен выполнить. Как тебе такая идея, муж?

Цинь Ся подумал, что играть на деньги в их случае было бы странно — ведь все равно деньги общие. Поэтому предложение Юй Цзюцюэ показалось ему даже забавным.

— Хорошо, — согласился он.

Цинь Ся тут же достал несколько костей и стакан для бросков.

Первой игрой стало «□□» («Доу Нью»). Каждый игрок бросал три кости, и сумма очков больше десяти считалась выигрышной. Если оба набирали больше десяти, выигрывал тот, у кого сумма была больше. За пять раундов Цинь Ся победил трижды.

Следующим было «□□□» («Счастливая встреча»). Здесь первый игрок бросал одну кость, чтобы задать число, а затем каждый по очереди бросал по две, стараясь составить с исходным числом последовательность. Если ни у кого не выходило, кости бросали заново.

Игры оказались увлекательными, и вскоре на столе появился кувшин вина.

Юй Цзюцюэ, недовольный вкусом сладкого рисового напитка, захотел попробовать настоящий алкоголь:

— Как насчет того, чтобы проигравший отдавал не только арахис, но и пил глоток вина?

Цинь Ся с усмешкой заметил, что раньше Юй Цзюцюэ никогда не пил крепкого вина, и это желание показалось ему немного подозрительным.

— Алкоголь вреден. Лучше я составлю тебе компанию с рисовым вином.

Однако в этот раз Юй Цзюцюэ уперся:

— Белое вино, конечно, нельзя, но как насчет желтого?

Цинь Ся подумал и решил, что это допустимо.

— Ладно, тогда я схожу за кувшином.

Поднимаясь, он в шутку бросил:

— Только не смей красть мой арахис.

Юй Цзюцюэ с легким удивлением взглянул на него:

— Я похож на того, кто будет мухлевать?

Цинь Ся лишь с улыбкой покачал головой. В первых партиях он намеренно играл не в полную силу, но быстро понял, что Юй Цзюцюэ в этом совершенно не нуждается. Ну еще бы — главный злодей, способный плести интриги, играя с императорским престолом, вряд ли растеряется перед парой игральными костями.

Цинь Ся начал невольно задумываться, какое желание загадает Юй Цзюцюэ, если он все же проиграет.

Вернувшись с кувшином, он заметил, что Юй Цзюцюэ вновь надел ватное пальто.

— Замерз?

Поставив вино на стол, Цинь Ся передвинул к ногам угольную жаровню, чтобы было теплее.

— Не то чтобы замерз, — ответил Юй Цзюцюэ, наполняя кувшин горячей водой. — Скорее руки и ноги слегка зябнут.

Цинь Ся скользнул взглядом по еле теплящейся жаровне и решительно предложил:

— С этой холодной комнаты толку мало, давай перенесем все на кровать. Там теплее.

Они переместили игру на теплый кан. Вскоре жар стал таким, что Юй Цзюцюэ пришлось снять пальто. После пары глотков горячего желтого вина он почувствовал, как тепло разлилось по всему телу, а руки стали горячими.

Проведя ладонью по воротнику, он расстегнул пару пуговиц, обнажая белую нижнюю рубашку и изящную линию шеи. Затем, словно от неудобства, он снял шпильку, собрав волосы в свободный пучок, но большинство прядей все равно спустилось на плечи, придавая его виду легкую небрежную элегантность.

В этот момент настала его очередь бросать кости.

— Шурх-шурх!

Пара точных движений, и результат — "□□" (последовательность). С довольной улыбкой Юй Цзюцюэ протянул руку к Цинь Ся, получая заслуженный арахис. Теперь настала очередь Цинь Ся пить.

Хотя он считал себя крепким выпивохой, смешение белого и желтого вина начинало давать о себе знать. Протирая пальцами лоб, он ощутил, как становится жарче.

Игра подошла к решающим партиям. Счет был равным, и Цинь Ся обратился к Юй Цзюцюэ:

— Вот-вот все решится. Если ты победишь, уже придумал, что попросишь?

Юй Цзюцюэ, который, кажется, сегодня чувствовал себя гораздо свободнее, чем обычно, прожевал половину сушеной хурмы и с улыбкой ответил:

— Уже придумал. А ты, муж?

Цинь Ся взглянул на наполовину съеденную Юй Цзюцюэ сушеную хурму, уголки его губ слегка приподнялись.

— Еще нет, об этом поговорим потом.

На мгновение показалось, что у каждого из них есть свое собственное, тщательно скрытое желание добиться своего.

Итог игры зависел от Цинь Ся. Если он победит в этом раунде, он победит во всей игре.

А если победит? Какое требование он предъявит Юй Цзюцюэ?

Вертя кости в руке, Цинь Ся на мгновение задумался. Честно говоря, у него не было никаких определенных идей.

Прислушиваясь к звукам кубиков в стакане, он точно знал, когда нужно остановиться, но вдруг, словно одержимый, встряхнул стакан еще раз.

— Как жаль, всего лишь одного очка не хватило.

Юй Цзюцюэ наклонился посмотреть. В прошлом раунде общий результат был три, и Цинь Ся мог выбросить комбинации «один и два», «два и четыре» или «четыре и пять». Однако на столе сейчас лежали числа «один» и «четыре», которые не складывались в последовательность.

— Похоже, я проиграл.

Цинь Ся достал один арахис и протянул его Юй Цзюцюэ, одновременно потянувшись к чашке с хуанцзю, но обнаружил, что та уже пуста.

Оказалось, Юй Цзюцюэ успел наполнить ее заново, при этом разделив оставшееся в кувшине вино на две равные части.

— В этом кувшине осталось совсем немного. Я выпью с тобой, муж.

Бледные губы Юй Цзюцюэ слегка порозовели из-за выпитого вина, а его лицо выглядело чуть более живым, чем обычно. Судя по счету в последних раундах, он выпил примерно столько же, сколько и Цинь Ся. Однако ранее Цинь Ся пил еще и байцзю, из-за чего его состояние выглядело более пьяным.

— Сегодня ты явно увлекся, — с легкой укоризной сказал Цинь Ся. — Боюсь, завтра у тебя будет болеть голова.

Цинь Ся вздохнул и с притворной обреченностью взял протянутую чашу.

— В конце концов, мне придется искать старого доктора Сюя, и тогда он наверняка прочитает мне лекцию.

Юй Цзюцюэ, улыбаясь, поднял чашу, приглашая Цинь Ся выпить вместе.

— Я пью всего по глоточку, ничего со мной не случится.

Цинь Ся чокнулся с ним и опрокинул свою чашу залпом. Теплый вкус хуанцзю мягко стекал по горлу, точно так же мягко разливаясь теплой, неторопливой пьянящей волной. Он прищурил глаза, чувствуя, как в голову медленно поднимается сонливость.

— Ты победил, — сказал он, глядя через низкий стол на Юй Цзюцюэ. Его взгляд был слегка затуманен вином. — Так что, говори, чего хочешь.

Ему стоило признать, что он явно переоценил свои силы. Как ни смешивай алкоголь, опьянение неизбежно. А в голове Цинь Ся вертелась только одна мысль — пельмени, которые все еще лежат в кухне, так и не брошенные в кипяток.

— А-Цзю, налей мне воды.

Цинь Ся сжал пересохшие губы, произнес это и стал оглядываться по столу, разыскивая свою чайную чашу. Пробежав взглядом по всей поверхности, он наконец вспомнил: чашка осталась в гостиной, на столе. У подвыпившего человека мысли всегда немного запаздывают. Только поднявшись на ноги, он почувствовал, как ноги ослабели, и в следующий миг его руку уже

поддерживала ладонь молодого гера.

— Муж пьян?

Цинь Ся не собирался признаваться, что вино взяло над ним верх. Когда-то он запросто мог выпить двадцать бутылок пива, стоя на ящике.

— Не пьян. Просто слишком резко встал.

Однако Юй Цзюцюэ упрямо усадил его обратно.

— Муж, посиди. Я сам схожу за водой.

Цинь Ся вынужден был остаться, облокотившись на край стола, и терпеливо ждать.

Юй Цзюцюэ быстро вернулся. Он налил чашку воды и поднес ее к губам Цинь Ся. Тот не сразу понял, что происходит, и, не отстраняясь, сделал несколько больших глотков. Когда же он решил взять чашку в свои руки, это оказалось не так просто.

Цинь Ся поднял взгляд. Сегодняшний Юй Цзюцюэ определенно отличался от обычного.

— А-Цзю? — он пошевелил пальцами, удерживающими чашку, и в его голосе прозвучала нотка вопроса.

Юй Цзюцюэ на мгновение замер, но затем позволил Цинь Ся взять чашку.

— Я выиграл игру в кости, но еще не успел сказать мужу свое желание. Если ты опьянеешь и заснешь, боюсь, что потом откажешься выполнить обещание.

Цинь Ся, сделав еще глоток воды, усмехнулся:

— Ты правда думаешь, что я стану уваливать?

Тем более, с чего ты взял, что я усну? Я же еще даже пельмени не ел.

— В любом случае, я уже все придумал. Может, муж хочет послушать сейчас?

Цинь Ся опустошил чашку. Алкоголь на мгновение отступил, но будто бы лишь для того, чтобы вернуться с новой силой. Его обычно лукавые глаза, напоминающие лепестки персикового цвета, казалось, порхали, как крылья бабочки — то приоткрываясь, то снова закрываясь.

В последнем раунде он мог бы выкинуть выигрышную комбинацию. Мельком взглянув на лицо Юй Цзюцюэ, слегка тронутое румянцем, будто бы подсвеченное облаками на рассвете, он на миг задумался. Цинь Ся почувствовал, как его сердце забилося быстрее, но в голосе не было ни малейшей тревоги.

— Ты говори, если я смогу это сделать, — ответил Цинь Ся, чувствуя легкое опьянение, но все же сохраняющий ясность мыслей.

Кто бы мог подумать, что гер напротив лишь хитро улыбнется и произнесет:

— Мужу ничего не нужно делать.

...

Когда губы Юй Цзюцюэ коснулись его, Цинь Ся решил, что это не иначе как сон, вызванный чрезмерным количеством вина. Если подумать, то, что Юй Цзюцюэ не видит в нем угрозы и ведет себя непринужденно, было вполне нормальным. Но чтобы настолько инициативно...

Это было совсем уж странно!

— А-Цзю! — вскрикнул он, внезапно отрезвев наполовину.

Он успел поймать руку Юй Цзюцюэ, которая уже коснулась его пояса.

Грудь Цинь Ся тяжело вздымалась от неожиданности, и взгляд его был полон недоумения.

Юй Цзюцюэ заметил это выражение, и холодок пробежал по его сердцу. Вино должно было помочь создать подходящее настроение, но первая реакция Цинь Ся была совсем не такой, на какую он надеялся.

В голове Юй Цзюцюэ промелькнуло множество вариантов, но он все-таки решил пойти дальше.

— Муж, что ты делаешь?

Его рука осталась на месте, и он спокойно задал вопрос.

Цинь Ся провел рукой по лицу, пытаясь взять себя в руки.

— Это я должен спросить тебя: что ты вдруг затеял?

Старый доктор Сюй в последний раз велел прекратить прием лекарств, но не упоминал, что можно возвращаться к супружеским обязанностям. Цинь Ся был уверен, что этот довод по-прежнему пригоден, по крайней мере, до тех пор, пока Юй Цзюцюэ не вспомнит все. Но сейчас он оказался застигнут врасплох.

— Муж обещал выполнить мою просьбу, — произнес Юй Цзюцюэ, глядя на него и слегка прикусывая губу. — Мое желание в том, чтобы сегодня я мог служить мужу.

Слова застряли у Цинь Ся в горле, и он чуть не захлебнулся собственным дыханием. Это «служить»... Он имел в виду то, что я думаю? Перед ним действительно был тот самый Юй Цзюцюэ?

— Твое здоровье еще не восстановилось. Сейчас это неуместно... — начал он объяснять, но не успел договорить, как Юй Цзюцюэ перебил его.

— Я знаю, что муж заботится о моем здоровье, — с видимой решимостью продолжил он. — Но ведь муж - мужчина...

Юй Цзюцюэ, собрав все свое мужество, договорил:

— Я могу служить мужу... другими способами.

Цинь Ся на мгновение застыл, а затем, едва собравшись с мыслями, произнес:

— Ты ведь должен знать, что я не из тех, кто так легко поддается страсти. Откуда ты вообще слышал про все эти... — он запнулся, не находя подходящих слов. — Все эти нелепости?

Юй Цзюцюэ уловил нотки отторжения в голосе Цинь Ся. Его плечи опустились, а на лице появилась едва заметная тень уныния. Если раньше его поведение казалось Цинь Ся загадочным, то сейчас эта перемена не укрылась от его внимательного взгляда.

Цинь Ся вдруг понял.

С самого начала — от предложения устроить игру с призом до выпивки за проигрыш и даже упоминания хуанцзю — все это было тщательно продуманным планом Юй Цзюцюэ.

Он намеренно создал эту ситуацию, чтобы полностью отдать себя и свое сердце.

Тишина повисла в комнате, и длилась она, казалось, бесконечно. Наконец, Юй Цзюцюэ, почувствовавший себя окончательно униженным, поднялся, чтобы уйти. Он всхлипнул, быстро застегнул расстегнутую одежду, схватил пустую чашку и направился к выходу.

Рука Цинь Ся оказалась быстрее мысли. Он схватил Юй Цзюцюэ за запястье, не позволяя тому уйти. Этот простой жест мгновенно разрушил хрупкую стену, которую Юй Цзюцюэ отчаянно пытался воздвигнуть. Когда Цинь Ся усадил его обратно на кровать, он услышал тихий звук подавленного рыдания.

К тому времени, как первая слезинка скатилась по подбородку Юй Цзюцюэ, Цинь Ся был полностью выбит из колеи.

Юй Цзюцюэ быстро смахнул слезу рукой, упрямо опустив взгляд, избегая встречи с глазами Цинь Ся. Цинь Ся был потрясен. Гер плакал, и его сердце, казалось, сжималось от боли.

Они с Юй Цзюцюэ были как две связанные вместе веревки — свободный узел, который можно было развязать в любой момент. Но если поддаться чувствам и затянуть этот узел до мертвой петли, что они будут делать, когда Юй Цзюцюэ вернется в столицу?

Цинь Ся понимал это, но Юй Цзюцюэ был в полном неведении. Может быть, вечные попытки отстраниться — это не лучший выход.

Цинь Ся долго обдумывал свои слова, а затем, наконец, спросил:

— А-Цзю, скажи мне честно: сегодняшние твои поступки связаны с тем, что ты подозреваешь — я избегаю сближения с тобой по какой-то скрытой причине?

Юй Цзюцюэ медленно кивнул. Некоторые вещи наконец-то пришло время обсудить открыто.

— Я — фулан, купленный мужем, — начал он. — Пусть не было на то воли родителей или посредничества свахи, но мы честно преклонили колени перед Небесами и старшими. Все эти дни я вижу, что муж уважает и защищает меня, но люди ведь не бездушны — у всех есть свои чувства и желания.

Он поднял взгляд на Цинь Ся, в котором не было больше слез, но глаза все еще оставались слегка красноватыми.

— Я хочу спросить тебя прямо, муж: почему ты не хочешь приблизиться ко мне? Ты сомневаешься в моем происхождении или боишься, что у меня есть какая-то скрытая болезнь?

Цинь Ся поспешил остановить его:

— Я знаю, что ты чист передо мной. Не говори так о себе.

Юй Цзюцюэ тихо вздохнул. Это был именно тот Цинь Ся, которого он знал — человек, ценящий чистоту других, и сам по себе такой же честный и благородный.

Но все, что Юй Цзюцюэ хотел, — это увидеть искренние чувства Цинь Ся к себе.

— Я люблю мужа, — сказал он, решив разрубить этот узел одним движением.

— Эти слова, возможно, звучат дерзко, — продолжил он, — ведь моя жизнь зависит от одного лишь контракта о продаже. С какой стати я могу говорить о любви? Но я признаю, что это именно уважение, которое муж дарит мне, вдохновило меня на такую смелость.

Цинь Ся почувствовал, как у него в горле застрял комок. Он молча слушал, как Юй Цзюцюэ продолжал.

— Когда меня вывели из дома работорговца и продали в дом Цинь, я боялся. Боялся, что сбежал из логова тигра, чтобы попасть в пасть волка. Боялся, что ты окажешься из тех мелких городских хулиганов, которые только и знают, как оскорблять и унижать других.

Но все оказалось иначе.

— И поэтому мои чувства к тебе изменились: сначала это был страх, потом — доверие, а теперь — любовь. Я знаю, что моего происхождения недостаточно, чтобы соответствовать тебе. Все, что я могу предложить...

Цинь Ся не дал ему договорить. Юй Цзюцюэ был гордым человеком — это было ясно даже в том, как его описывал автор. Даже когда ему приходилось лицемерить ради выживания, даже когда он, согласно замыслу, шел к поражению как антагонист, гордость всегда оставалась его отличительной чертой. Именно из-за тех унижений, которые ему пришлось пережить по сюжету, он стал человеком, готовым ради власти на все.

Но появление Цинь Ся изменило эту часть истории. Он не хотел, чтобы Юй Цзюцюэ говорил о себе уничижительно или считал себя недостойным.

— Я знаю о твоих чувствах, — произнес Цинь Ся.

Как только слова сорвались с его губ, он почувствовал, как гер начал слегка дрожать. Цинь Ся взял свой халат, лежащий рядом, и накинул его на плечи Юй Цзюцюэ. Затем, поверх ткани, осторожно притянул его к себе.

Пока Юй Цзюцюэ говорил, Цинь Ся тоже многое обдумал. Текущая ситуация была очевидной: если он хотел избежать последствий, о которых знал из своей книги, ему следовало с самого начала не вовлекать гера в свою жизнь. Человек, которого он собирался отпустить, остался под его защитой. Это было лишь вопросом времени, что их судьбы начнут переплетаться все сильнее.

Он называл Юй Цзюцюэ своим супругом, но на деле держал дистанцию, избегая близости. И

это лишь подпитывало сомнения гера, что привело к сегодняшнему всплеску эмоций.

Цинь Ся понимал, что такая реакция была вполне естественной. Если бы он продолжал отстраняться, то в конце концов стал бы еще большим подлецом, чем первоначальный владелец его тела.

— А-Цзю, вероятно, хочет узнать, нравится ли он мне? — произнес он.

Он заметил, как Юй Цзюцюэ повернул голову, его глаза широко раскрылись от удивления.

Цинь Ся улыбнулся тепло и мягко:

— Тогда я скажу тебе: да.

Губы Юй Цзюцюэ дрогнули, но он лишь спустя мгновение произнес:

— Тогда почему же...

Цинь Ся опустил взгляд, на секунду задумался, а затем снова поднял глаза.

— Я признаю, что причина, по которой я держу дистанцию, не только в рекомендациях врача. Я позволил себе предположить, что у тебя, возможно, необычное происхождение. Может быть однажды ты восстановишь свою память, покинешь округ Цинань и займешься делом, которое тебе предназначено. В этот момент ты, возможно, не захочешь, чтобы у тебя оставались какие-либо связи с этим местом. И чтобы это стало возможным, нам лучше сохранить отношения только на словах.

Вот как, значит? Юй Цзюцюэ вспомнил свое первое впечатление о Цинь Ся. Тогда ему казалось, что перед ним стоит человек, обладающий глазами, которые видят все насквозь.

— У тебя есть какие-то догадки о моем происхождении? — спросил он.

На этот вопрос Цинь Ся лишь покачал головой.

— Я ведь не провидец, откуда мне знать наверняка? Просто твоя речь — это чистейший официальный диалект. Ты образован, твое поведение изысканное и воспитанное. Я думаю, что твое пребывание здесь — это результат какого-то несчастного случая. И когда память вернется, это место больше не сможет тебя удержать. Ты не тот, кто захочет остаться в таком тихом уголке.

Цинь Ся мог ответить только уклончиво, не раскрывая всего, что знал. Когда он закончил, Юй

Цзюцюэ помолчал, а затем неожиданно спросил:

— Почему муж так уверен, что, вернув память, я не захочу остаться?

Цинь Ся потерял дар речи. Его уверенность, конечно, исходила из сюжета оригинальной книги. Но этот прямой вопрос, заданный Юй Цзюцюэ, внезапно прояснил его мысли.

Почему он был так уверен? Тот Цинь Ся из книги уже давно ушел, а теперь на его месте оказался он сам.

В оригинальной истории Юй Цзюцюэ страдал и медленно ломался. А сейчас? Сейчас они были счастливы, вместе праздновали Новый год, готовились запускать фейерверки и варить пельмени.

Когда настанет тот момент, Юй Цзюцюэ действительно уйдет? И даже если он захочет уехать, разве это обязательно будет означать их разлуку?

Размышляя об этом, Цинь Ся вдруг рассмеялся.

Не видишь истинного облика горы Лушань, пока находишься среди ее вершин*.

(ПП: Идиома, описывает, что из-за неполного понимания объективных вещей невозможно познать истинную сущность)

Он, чужак, стал одним из обитателей этой «горы» и, как следствие, запутался сам.

Его первоначальная осторожность по отношению к Юй Цзюцюэ объяснялась лишь тем, что он только попал в этот мир, а сюжет книги был его единственным ориентиром. Но теперь, когда он осознал свои чувства к Юй Цзюцюэ, разве не пора отбросить этот сюжет?

Юй Цзюцюэ не успел понять, почему Цинь Ся улыбается, как тот вдруг поднялся и, в буквальном смысле, поднял его на руки.

Юй Цзюцюэ ахнул, чувствуя, как ноги оторвались от земли. Он инстинктивно обвил руками шею Цинь Ся, а по спине пробежала горячая волна.

— Муж? — выдохнул он, ошеломленный.

Цинь Ся, не отпуская его, сделал с ним полный круг.

А затем случилось то, о чем Юй Цзюцюэ мечтал уже давно: Цинь Ся сам потянулся и

поцеловал его.

Теплый свет свечей мягко освещал лицо Цинь Ся, подчеркивая его выразительные черты.

— А-Цзю, я повторю еще раз, — сказал он тихо.

— Ты мне нравишься.

* Овощные пельмени 饺子

<http://bllate.org/book/13601/1206037>